

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА RELIGION AND POLITICS IN THE MIDDLE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21

Научная статья / Research article

Большие надежды, утраченные иллюзии: Всеобщий исламский конгресс в Иерусалиме в 1931 году

С.А. Кириллина , А.Л. Сафронова , В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1

 alsavlor@yandex.ru

Аннотация. Значимость темы исследования обусловлена актуальностью проблемы халифата в общественной и политической жизни современного арабо-мусульманского мира. Цель данного исследовательского проекта — анализ причин и последствий возникновения халифатистских движений, явившихся реакцией мусульманского мира на разрушение Османской империи и ликвидацию института халифата в 1924 г. республиканским руководством Турции. При этом авторы фокусируют внимание на Всеобщем исламском конгрессе в Иерусалиме (1931 г.) как на конкретном примере общественно-политических дискуссий мусульман о единстве уммы и будущей судьбе халифата. Опираясь на материалы исторических источников, авторы выявили противоречия и разнообразие идейных и ценностных воззрений халифатистов в основных ареалах распространения ислама — на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Южной Азии, проанализировали методологические и духовно-политические препятствия, вставшие на пути идеологов халифатизма на примере противоречий в деятельности муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни (ок. 1895–1974), ратовавшего за независимую государственность арабской Палестины, и лидера индийских мусульман Шауката Али (1873–1938), выступавшего за интернационализацию дела возрождения халифата. Доказано, что «исламский интернационализм» в 1930-х годах начал обретать более национальные, этнокультурно обусловленные формы, что было обусловлено недоверием к халифатизму со стороны британского колониального чиновничества и политических элит Турции и Египта в изменившихся после Первой мировой войны геополитических условиях. Кроме

© Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

того, выявлена важность изучения высшего мусульманского образования для характеристики политических, ценностных и религиозно-философских позиций халифатистов и их оппонентов.

Ключевые слова: халифат, арабский национализм, Палестина, Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия

История статьи: Поступила в редакцию: 21.09.2022. Принята к публикации: 14.10.2022.

Для цитирования: *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Большие надежды, утраченные иллюзии: Всеобщий исламский конгресс в Иерусалиме в 1931 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21>

High Hopes, Lost Illusions: General Islamic Congress in Jerusalem (1931)

S.A. Kirillina , A.L. Safronova , V.V. Orlov

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University,
11/1, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia

 alsavlor@yandex.ru

Abstract. The significance of the research topic is due to the relevance of the problem of the caliphate in the social and political life of the modern Arab-Muslim world. The purpose of this research project is to analyze the causes and consequences of the emergence of caliphate movements, which were the reaction of the Muslim world to the destruction of the Ottoman Empire and the liquidation of the institution of the caliphate in 1924 by the republican leadership of Turkey. At the same time, the authors focus on the General Islamic Congress in Jerusalem (1931) as a concrete example of the socio-political discussions of Muslims about the unity of the Ummah and the future fate of the caliphate. Based on the materials of historical sources, the authors identified contradictions in the diversity of ideological and value views of the caliphate in the main areas of Islamic world — in the Middle East, North Africa and South Asia, analyzed methodological, spiritual and political obstacles that stood in the way of the ideologists of caliphate by the example of contradictions in the activities of the Mufti of Jerusalem Amin al-Husseini (c. 1895–1974), who advocated the independent statehood of Arab Palestine, and the leader of Indian Muslims Shaukat Ali (1873–1938), who advocated the internationalization of the cause of the revival of the caliphate. The authors prove that “Islamic internationalism” in the 1930s began to acquire more and more national, ethno-culturally conditioned forms, which was due to the distrust of caliphate on the part of the British colonial officials and the political elites of Turkey and Egypt in the geopolitical conditions that changed after the First World War. In addition, the importance of studying higher Muslim education for the characterization of the political, value, religious and philosophical positions of the caliphists and their opponents is revealed.

Keywords: Caliphate, Arab nationalism, Palestine, Middle East, North Africa, South Asia

Article history: Received: 21.09.2022. Accepted: 14.10.2022.

For citation: Kirillina SA., Safronova AL., Orlov VV. High Hopes, Lost Illusions: General Islamic Congress in Jerusalem (1931). *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21>

Введение

После ликвидации халифата 3 марта 1924 г. Великим национальным собранием Турецкой Республики в арабском мире состоялась серия международных съездов панисламской направленности, декларативной целью которых стал поиск путей единения *дар аль-ислама*¹. Инициаторами созыва Всеобщего исламского конгресса за халифат² в Каире (май 1926 г.), получившего всемерную поддержку египетского монарха Фуада I³, выступили улама⁴ университета аль-Азхар [1]. За ним практически сразу же, в июне — июле 1926 г., воспоследовал Конгресс исламского мира в Мекке, созванный королем Неджда и Хиджаза Ибн Саудом⁵. Третий конгресс, состоявшийся на Святой Земле Палестины, по сути, стал «шоу одного человека» — муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни (ок. 1895–1974), замыслившего превратить этот город в центр всемирной исламской уммы. Не случайно начало конгресса (27 раджаба 1350 г.х.) было приурочено к всеисламскому празднеству «ночи путешествия и вознесения» (*лайлат аль-исра' ва-ль-ми'радж*), знаменующему ночное путешествие пророка Мухаммада из Мекки в Иерусалим, откуда он вознесся к небесному престолу Аллаха [2. С. 36].

Конгресс и его делегаты

Двухнедельный форум под широкомасштабным названием «Всеобщий исламский конгресс» (*аль-Му'тамар аль-исламий аль-'амм*) прошел в Иерусалиме 7–16 декабря 1931 г. Его торжественное открытие в третьей по значимости святыне ислама — мечети аль-Акса — сопровождалось знаковым актом — коллективной клятвой присутствующих «всеми силами защищать святыне места от посягательств» [3. С. 133]. Эта пропагандистская акция напрямую была связана с арабо-еврейскими столкновениями 1929 г. вокруг Западной Стены Храмовой Горы, именуемой мусульманами «Стеной Бурака», а евреями —

¹ *Дар аль-ислам* (араб. обитель ислама) — территория, на которой, согласно нормам мусульманского права, осуществляется верховенство шариата как юридической системы

² Халифат (араб. *аль-хилафа*) — государство, возглавляемое халифом. Халиф — первоначально титул светского и духовного главы арабского государства, позже — титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира.

³ Фуад I (1868–1936) — султан (1917–1922 гг.), а затем король Египта и Судана (1922–1936 гг.).

⁴ Улама — мусульманские теологи, хранители религиозной традиции, блюстители канонического права.

⁵ Абд аль-Азиз (Ибн Сауд) (1875–1953) — эмир Неджда в 1902–1926 гг.; король Неджда и Хиджаза в 1926–1932 гг.; первый король Саудовской Аравии в 1932–1953 гг.

«Стеной Плача», и стремлением иерусалимского муфтия закрепить ее принадлежность за мусульманской общиной Палестины [4. С. 112; 5. С. 94].

На конгресс съехались более 130 делегатов из 22 стран. Среди его знаковых участников — египтян выделялись видный идеолог исламского реформаторского движения Мухаммад Рашид Рида (1865–1935) и представлявший оппозиционную египетскому королевскому престолу партию Вафд политический активист Абд ар-Рахман Аззам (1893–1796), позднее первый генеральный секретарь Лиги арабских государств (1945–1952 гг.). Из Сирии прибыли Риад ас-Сольх (1894–1954), впоследствии первый премьер-министр независимого Ливана, Шукри аль-Куатли (1891–1967), позже президент Сирии (1943–1949, 1955–1958 гг.), и председатель Дамасского общества по защите Хиджазской железной дороги эмир Мухаммад Саид аль-Джазаири (1883–1966), внук героя антифранцузского сопротивления в Алжире Абд аль-Кадира (1808–1883). В качестве рупоров интересов Магриба выступили тунисский богослов и политик, один из основателей партии «Дустур», участник двух предшествующих конгрессов Абд аль-Азиз ас-Саалиби (1876–1944) и марокканская делегация во главе с будущим лидером Партии магрибинского единства и министром вакфов в независимом Марокко Мухаммадом аль-Макки ан-Насири (1906–1994) и суфием Мухаммадом аль-Каттани (1894–1973). Внимание прессы привлекло присутствие на конгрессе выдающегося мусульманского поэта и философа Мухаммада Икбала (1876–1938). Российское постимперское пространство представляли политэмигранты — активист татарского национального движения, друг основоположника джадидизма⁶ Исмаила Гаспринского (1851–1914) Гаяз Исхаки (1878–1954), богослов-джадидист Муса Джарулла Бигеев (1875–1949) и непримиримый противник политики советской власти на Кавказе, внук имама Шамиля (1797–1871) Саид Шамиль (1901–1981). Резонансной фигурой на конгрессе стал шейх-имамит из Ирака Мухаммад аль-Хусейн Кашиф аль-Гита (1877/78–1954), первый известный шиитский *муджтахид*⁷, принявший участие в форуме такого рода. Иракский шейх был известен тем, что воевал в годы Первой мировой войны против британской армии [6. Т. 2. С. 188–189]. Именно ему была оказана честь руководить соборной молитвой в мечети аль-Акса во время открытия конгресса. На протяжении последующих лет он выступал в качестве наиболее жесткого критика сионизма со стороны шиитских клерикальных кругов.

Именитые зарубежные гости были впечатлены численностью участников съезда, которые в действительности в своей массе представляли собой малоизвестных местных функционеров из Палестины и прилегающих территорий — сторонников Амина аль-Хусейни и его персонального видения целей

⁶ Джадидизм — общественно-политическое движение конца XIX в. — 1920-х годов за обновление исламской культуры и общества среди российских мусульман.

⁷ *Муджтахид* — представитель высшей категории мусульманских богословов законоведов.

этого мероприятия. Организаторам иерусалимского форума не удалось привлечь 2 тысячи участников, как первоначально планировал один из инициаторов съезда, видный индийский панисламист Шаукат Али [7]. Хотя в работе Всеобщего исламского конгресса приняли участие в пять раз больше делегатов по сравнению с Каирским конгрессом 1926 г., среди них не было посланцев Афганистана, Советского Союза, Румынии, Болгарии, Греции и иных государств распространения ислама. Более того, говорить об официальном представительстве на конгрессе делегаций государственного уровня не приходилось. Камнем преткновения в данном случае стал вопрос о халифате.

Халифат за чертой повестки дня

Несмотря на то, что тема халифата продолжала будоражить мусульманскую общественность, ее пришлось вынести за пределы повестки дня по ряду веских причин, еще на этапе подготовки конгресса. Чтобы не раздражать оппонентов, официальные приглашения, разосланные подготовительным комитетом, были составлены в общих чертах. Призыв к «выдающимся представителям ислама» принять участие «в совместной работе на благо распространения мусульманских идеалов» [8. С. 8] соседствовал с расплывчатой формулировкой о необходимости проведения конгресса с целью «обсуждения нынешних условий жизни мусульман, обеспечения безопасности иерусалимских святынь и других дел, представляющих интерес для всех мусульман» [9. С. 117–118; 10. С. 251]. Тем не менее, циркулировавшие слухи о том, что в Иерусалиме будет поднят вопрос о халифате, быстро стали предметом спекуляций и досужих домыслов, крайне обеспокоивших организаторов конгресса.

Ситуация усугубилась, когда в еврейской прессе появилось сфабрикованное заявление о том, что халифат планируется восстановить и резиденцией для его главы определить Иерусалим. Этот пропагандистский ход был направлен на создание противоречивой атмосферы вокруг конгресса и сокращение численности его возможных участников [11. С. 108]. При этом возможной кандидатурой на возрожденный халифский пост был назван османский экс-халиф Абдул-Меджид⁸, проживавший в то время в изгнании в Ницце. Египетский монарх Фуад I не был лишен халифских амбиций, и, если даже сам не воцарился халифского достоинства, то мысль о занятии этого поста кем-либо другим ему претила. Королевский двор и правительство во главе с премьер-министром Исмаилом Сидки-пашой (1875–1950) вкуче с исламскими авторитетами отнеслись к предстоящему иерусалимскому мероприятию предельно настороженно [12. С. 312–313]. Амин аль-Хусейни даже был вы-

⁸ Абдул-Меджид II (1868–1944) — последний халиф из османской династии (1922–1924 гг.), единственный халиф в истории Османской империи, не носивший одновременно титул султана.

нужден за месяц до форума посетить Каир для того, чтобы лично заверить Сидки-пашу, а с ним и всех, озабоченных этим вопросом, в том, что халифат на конгрессе будет вне обсуждения. Однако искренность иерусалимского муфтия так и осталась под сомнением, и египетские власти отказались посылать в Иерусалим официальную делегацию. Присутствие же на форуме представителей оппозиционной партии Вафд было расценено египетскими правящими кругами как демонстративный антимонархический выпад и неприкрытая политическая акция, направленная против курса правительства Исмаила Сидки [13. С. 197].

Страсти по халифату взволновали отпрысков шерифа Мекки Хусейна ибн Али аль-Хашими (ок. 1854–1931), незадолго до конгресса отошедшего в мир иной. Абдалла, Фейсал и Али прямо не озвучивали свою позицию в отношении возрождения института халифата. Однако обсуждение в Иерусалиме любых аспектов халифатистской темы было им невыгодно с учетом возможного выдвижения претензий на халифат от их имени в будущем. Под надуманным предлогом дистанцировался от участия в конгрессе правитель Неджда и Хиджаза Ибн Сауд. Он сослался на то, что приглашение иерусалимского муфтия якобы дошло до него с запозданием [14. С. 167]. В итоге официальная делегация Саудитов в Иерусалиме представлена не была.

Предположительное появление на Святой Земле Палестины экс-халифа Абдул-Меджида и тем более кривотолки о близкой реставрации халифата всполошили республиканскую Турцию. Турецкие дипломаты всеми силами пытались убедить западных партнеров в том, что возрожденный халифат превратится в средоточие злостных интриг и бунтарских настроений, направленных против их государств, а новый халиф неизбежно станет центром притяжения всех сил, враждебных Турецкой Республике. Несмотря на непрекращающееся давление, французы отказались препятствовать выезду Абдул-Меджида на Ближний Восток. Англичане же предпочли перестраховаться и приняли решение не выдавать палестинские визы ни экс-халифу, ни его сопровождающим. Амин аль-Хусейни, чтобы сгладить трения с турками, громогласно заявил, что Абдул-Меджид на конгресс приглашен не будет, а затем безуспешно попытался договориться о приезде в Иерусалим официальной турецкой делегации. Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту Арас (1883–1972), не задумываясь, проигнорировал приглашение муфтия. Более того, он провел переговоры с правителями Персии, Афганистана, Албании и Хиджаза и тем самым позаботился о расширении круга государств-«отказников» [14. С. 166]. Турецкий лидер Мустафа Кемаль также категорично высказался против конгресса как действия, противоречащего его личным принципам [3. С. 129–131]. Во многом именно закулисные маневры Турции привели к тому, что иерусалимский конгресс был лишен даже налета официальности.

Религия и политика на конгрессе

Несмотря на настоятельные рекомендации британских мандатных властей не выходить за рамки сугубо религиозных тем, муфтию Амину аль-Хусейни путем закулисного маневрирования удалось придать конгрессу подчеркнуто политизированное звучание. В своих выступлениях делегаты горячо обличали экспансионистскую политику Запада в отношении стран распространения ислама и осуждали европейский империализм. Дискуссия об опасностях, грозящих Святым местам ислама, неминуемо вылилась в дебаты о враждебном палестинским интересам характере мандатного правления и воинственном настрое сионистов. Конгресс постановил, что «сионизм *ipso facto* является агрессивной силой, наносящей ущерб благополучию мусульман, и он прямо или опосредованно отстраняет мусульман от контроля над исламскими землями и мусульманскими Святыми местами» [15. С. 1]. Негодование симпатизировавшего сионистским устремлениям британского Верховного комиссара в Палестине А.Г. Ваучопа (1864–1947) муфтий без стеснения парировал. Он заявил, что не чувствует себя вправе контролировать волеизъявление выступавших участников. Отслеживая ход конгресса, Амин аль-Хусейни и далее последовательно стремился заострить внимание мирового сообщества на краеугольной важности Палестины для мира ислама [8. С. 9].

Принятые на конгрессе религиозно-политические резолюции соответствовали цели Амина аль-Хусейни поднять престиж Иерусалима, а вместе с ним и собственный авторитет в глазах исламской уммы. В них прозвучал призыв к мусульманам оберегать Святые места от любых агрессивных действий, и было заявлено о неоспоримой принадлежности «Стены Бурака» мусульманам. Однако всеобщий консенсус делегатов в отношении святынь Иерусалима не помешал бурной и продолжительной полемике относительно того, следует ли помещать вопрос о защите Святых мест в более широкий контекст борьбы палестинцев с мандатными властями за независимость.

На форуме также была поднята тема восстановления мусульманского контроля над ключевой для мусульманских паломников транспортной артерией — Хиджазской железной дорогой. Катализатором этой дискуссии послужил захват французскими властями ее вокзала в Дамаске незадолго до конгресса. В резолюции в итоге был включен пункт о необходимости передачи Хиджазской железной дороги под надзор специального Исламского комитета. Он, впрочем, не был особо представительным органом. В частности, среди 32 его членов отсутствовали египетские делегаты [12. С. 318].

Среди решений конгресса выделялась инициатива основания в Иерусалиме университета при мечети аль-Акса с целью «продвижения арабской культуры (в массы) и повышения уровня владения арабским языком мусульманской молодежью» [16. С. 192]. Это был амбициозный и дорогостоящий проект, такой же затратный, как и поддержанный конгрессом

замысел основания Исламской земельной компании с целью выкупа арабских земель для того, чтобы они не попали в руки сионистов [17. С. 166]. Еще на стадии подготовки иерусалимского форума он был в штыки воспринят улама аль-Азхара, ревниво относившимся к статусу своего университета как лидирующей всемусульманской кузницы кадров высшего звена. В идее создания в Иерусалиме нового исламского высшего учебного заведения они усмотрели опасность появления параллельной аль-Азхару научно-образовательной структуры с претензией на соревнование с каирским университетом [12. С. 313]. Так, экс-муфтий Египта Мухаммад Бахит выступил со статьей в «Аль-Ахрам», в которой жестко раскритиковал «мечтания» создателей нового университета [7. 03.11.1931]. Свою тревогу Амину аль-Хусейни напрямую высказал ставленник королевского двора, ректор аль-Азхара Мухаммад аль-Ахмади аз-Завахири (на этом посту с 1929 по 1935 г.). Его далеко не успокоили заверения муфтия в том, что новая высшая школа — всего лишь скромное по своим масштабам учебное заведение, которое задумано только как противовес Еврейскому университету Иерусалима, но никак не вызов аль-Азхару [7. 06.11.1931; 18. С. 40].

Делегаты конгресса единодушно признали плодотворность идеи учреждения нового университета. При этом Амин аль-Хусейни настоял на его сугубо исламском характере и блокировал предложения Шауката Али придать ему либеральный и космополитический флер и сделать языком обучения английский [8. С. 9]. Основу университета при мечети аль-Акса должны были составить три факультета — теологии и мусульманского права, медицины и фармакологии, а также инженерный. Все три начинания потребовали значительных финансовых затрат на строительные работы, закупку оборудования и наем профессорско-преподавательского состава. Однако кампания по сбору средств для реализации этой инициативы, развернутая Амином аль-Хусейни и казначеем Постоянного бюро конгресса Мухаммадом Али Аллюбой в 1932–1933 гг. в Палестине, Индии и Ираке, ожиданий ее организаторов не оправдала [19. С. 154]. Проект исламского университета так и остался на бумаге; канул в лету и план организации Исламской земельной компании.

Халифат в идейном диалоге мусульман Британской Индии и Ближнего Востока

Халифатистское движение мусульман Южной Азии основывалось на панисламских идеях. Значительное количество адептов ислама среди южноазиатов, по мысли индийских мусульманских лидеров, открывало перед ними перспективы обретения достойной роли в рамках мирового мусульманского сообщества [20; 21. С. 212]. Индийские халифатисты традиционно выступали в защиту султана-халифа и против намерения

Антанты расчленив Османскую империю, внесли существенный вклад в теоретическую дискуссию о халифате [22. С. 33–37]. Ликвидация османского халифата по-новому поставила в мусульманском мире вопрос о контурах идеи мусульманской общности, заставив индийских халифатистов активно включиться в этот процесс. Всеиндийский халифатистский комитет участвовал в разработке программ всех панисламских конференций [23. С. 164–169; 3. С. 93–94].

Неизменными продолжателями поддержки идей халифатизма и налаживания связей со странами исламского мира через участие индийских делегатов в панисламских конгрессах были братья Мухаммад Али Джаухар (1878–1931) и Шаукат Али (1873–1938), выпускники прославленного в Британской Индии Алигархского университета, общественные деятели и пропагандисты панисламизма. Они воспринимали халифат в антиколониальном дискурсе как объединение свободных от европейской зависимости последователей ислама, ввели трактовку популярной среди индийских националистов идеи несотрудничества через традиционное понятие хиджры как исхода мусульман в другие страны распространения ислама в знак оппозиции британской администрации [24. С. 51–62]. Среди участников панисламских конгрессов, выступавших за налаживание связей со странами Ближнего Востока, были такие индийские халифатисты, как Хаким Аджмал Хан (1863–1927) и Мухтар Ахмад Ансари (1880–1936) [25. С. 205–207]. Они ратовали за развитие мусульманского образования, стали основателями мусульманского университета Джамия Миллия Исламия в Дели, наряду с прославленным Алигархским университетом, поддерживали идею открытия новых университетов и на Ближнем Востоке, помимо знаменитого аль-Азхара. Идея панисламских конгрессов была поддержана видным индийским халифатистом Инаятуллой Ханом Машрики (1888–1963), известным также как Аллама Машрики [26. С. 131; 27. С. 126]. Идеи халифата были популярны и среди правителей мусульманских княжеств, прежде всего они занимали низама крупнейшего на территории Индостана княжества Хайдарабад Османа Али-хана [28. С. 156–157].

На иерусалимском конгрессе вопрос о халифате не был включен в повестку заседаний, несмотря на усилия индийской стороны. Индийские халифатисты поддерживали палестинцев, однако не ожидали, что палестинская тематика, включая вопросы, связанные с сионизмом, оттеснила халифатистские сюжеты [29. С. 16–17]. Вопрос о халифате, точнее, подход к его постановке в ходе заседаний конгресса вызвал споры среди делегатов, в том числе коснувшись и индийской делегации. Так, между Амином аль-Хусейни и Шаукатом Али возникли разногласия: Шаукат Али открыто заявил о своей поддержке сосланного в Европу и пребывавшего в Ницце последнего османского халифа Абдул-Меджида [3. С. 127].

Значительную роль в подготовке и проведении этого конгресса, наряду с его главным организатором — палестинским лидером Амином аль-Хусейни, — сыграл Шаукат Али. На предыдущих конгрессах он потребовал для Индии наибольшего представительства на основании численности мусульман в этой стране. Индия была единственной из стран-участниц, получившей 4 голоса. При подготовке иерусалимского конгресса он продолжал отстаивать идею особой роли индийских мусульман в строительстве мирового исламского сообщества [3. С. 136].

Еще в 1929 г. Мухаммад Али выдвинул предложение об иерусалимском Верховном исламском совете, идея создания которого была воплощена во Всеобщем исламском конгрессе в Иерусалиме (1931 г.). Когда Мухаммад Али умер в начале 1931 г., Амин аль-Хусейни обратился к Шаукату Али и предложил ему похоронить его брата в Иерусалиме в преддверии конгресса и в знак его заслуг в панисламской деятельности [30. С. 280]. Он отмечал также его заслуги и в палестинском вопросе. Амин аль-Хусейни обращал внимание на то обстоятельство, что пропаганда панисламизма связывалась у братьев Али с гандистской идеей бойкота британских товаров [10. С. 246]. В ходе подготовки иерусалимского конгресса Шаукат Али совершил турне по ряду ближневосточных городов, пропагандируя проект исламского университета в Иерусалиме, образцом для которого он считал свой родной Алигархский университет в Британской Индии [10. С. 249–250].

Связи Амина аль-Хусейни с южноазиатами оказались крепкими, несмотря на разногласия. В 1937 г. Амин аль-Хусейни покинул Палестину, и Иерусалим больше не рассматривался как центр координации деятельности панисламистов. Однако в 1949 г. (уже после образования Пакистана) он созвал международную конференцию в Карачи, которую представил как продолжение не только иерусалимской конференции, но и исламской конференции в Мекке 1926 г. Другая конференция, которую он возглавлял, проходившая в Карачи в феврале 1951 г. под названием Всемирный мусульманский конгресс, собрала представителей 32 стран и различных исламских общин. Идеи конференции стали одной из основ для последующего формирования Организации Исламская конференция в 1969 г. [10. С. 270].

Смена вех в мировосприятии индийских мусульман: халифат versus национализм

Вместе с Шаукатом Али в иерусалимском форуме принял участие известный поэт, философ, мыслитель и общественный деятель Британской Индии Мухаммад Икбал (1877–1938). Фигура Икбала демонстрирует сочетание двух тенденций, характерных для идейных исканий приверженцев ислама в Южной Азии в 30-е годы XX в.: идеи объединения мусульман во вселен-

ском масштабе на основе обновления ислама в соответствии с меняющимися реалиями, с одной стороны, и попытки создания региональных очагов исламской государственности, в конкретном случае мусульманской государственности в Южной Азии, с другой.

С середины 1920-х годов Мухаммад Икбал активно участвовал в политической жизни Индии. В 1928 г. он выступил с идеей обновления ислама, что нашло отражение в его работе «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (1934 г.) [31] (в переводе на русский язык издана в 2002 г.) [32]. Икбал считал единство и равноправие двумя столпами исламского общества. Он был уверен, что при определении и толковании демократии посредством исламского учения можно достичь желанного, отвечающего запросам времени общества, единство и образованность в его концепциях выступали взаимодополняющими факторами, а недостаток знания основной причиной раскола мусульман [33].

Идеи панисламизма импонировали его стремлению к объединению уммы и созданию крупных мусульманских университетов. Именно эти идеи и привели его во время серии поездок по Европе и Ближнему Востоку на Всеобщий исламский конгресс в Иерусалим в декабре 1931 г., в ходе которого он ратовал за оформление единого Всеисламского координационного центра в Иерусалиме и дальнейшее распространение системы мусульманского образования (создание мусульманского университета в Иерусалиме) [30. С. 190–191]. Он одобрял сам факт созыва иерусалимского конгресса 1931 г., так как считал позитивным участие представителей мусульманского мира в союзах, альянсах и договорах, которые, по его мысли, способствовали укреплению культурных, экономических и политических связей между странами распространения ислама.

Наряду с приверженностью единой организации мусульманского мира в его деятельности проявилась и иная тенденция, становившаяся знаковой в идейной эволюции мусульманских идеологов различных регионов мира и ярко продемонстрированная последователями ислама Британской Индии: формирующееся движение за создание «мусульманской нации» и национального очага государственности на территории Южной Азии.

Изучая право и философию в Англии, Мухаммад Икбал стал членом лондонского отделения Всеиндийской мусульманской лиги. Позже, в декабре 1930 г., он, будучи председателем сессии Мусульманской лиги в Аллахабаде, произнес речь, известную как Послание Аллахабада, в которой он настаивал на создании мусульманского государства на северо-западе Британской Индии. Это дало основание впоследствии объявить Икбала «духовным отцом Пакистана». В декабре 1931 г., накануне прибытия на иерусалимский конгресс он принял участие в завершившейся 1 декабря конференции Круглого стола в Лондоне, на которой реша-

лись вопросы будущего политического устройства Британской Индии. Шаукат Али также был участником этой конференции. Согласно принятому 11 декабря 1931 г. Вестминстерскому статуту, увеличивался суверенитет доминионов. Начавшийся процесс преобразования Британской империи в Британское содружество наций знаменовал смену приоритетов в идейных установках индийских мусульман. Панисламизм постепенно становился маргинальным движением в Южной Азии, на первый план выдвигалась задача оформления теории «мусульманской нации» и борьба за создание государства для индийских мусульман, получившего название Пакистан.

Икбал считал, что халифат был эффективным и полезным в эпоху сплоченности исламской империи, однако в условиях, когда ведущие страны ислама из-за разногласий в вопросе халифата отделились друг от друга, идея халифата утратила свою силу как неспособная объединить всех мусульман. Мухаммад Икбал полагал, что исламские сообщества должны, одобрив освободительные движения, добиться суверенитета и на новой основе поставить вопрос о единстве уммы. Он выдвинул идею национализма по признаку принадлежности к исламу. Икбал при этом противостоял идее национализма в европейском понимании, привязывающей это понятие, как он его трактовал, к конкретной территории, противопоставляя ему национализм как категорию духовную, основанную на принадлежности к единой вере, в данном случае к исламу. «Мусульманский национализм» в 30–40-е годы XX в. становится наиболее популярной концепцией среди последователей ислама Британской Индии, а Мусульманская лига во главе с Мухаммадом Али Джинной центральной силой, призванной достичь желанной цели. Мухаммад Икбал, а затем и Шаукат Али вместе со своими последователями сосредоточивают свои дальнейшие усилия на этой ниве [30. С. 192–193].

Заключение

На первый взгляд, результаты проведения Всеобщего исламского конгресса в Иерусалиме оказались далеко не столь существенными, как планировали его инициаторы. Конгресс, по их замыслу, должен был далее регулярно созываться с интервалом в два года. В соответствии с принятым в Иерусалиме Уставом Всеобщего исламского конгресса [16. С. 192–194] был сформирован постоянно действующий секретариат, функции которого включали подготовку следующего конгресса и выработку его повестки дня. Однако, как показало время, все эти благие намерения разбились о суровую реальность.

Генеральный секретарь конгресса — бывший премьер-министр Ирана (1921 г.) и экспатриант Зияэддин Табатабаи (1888–1969) — на время переехал

в Палестину из Женевы для исполнения возложенных на него обязанностей. Однако после неудач с привлечением средств на нужды конгресса он вернулся в Швейцарию и все реже появлялся на Святой Земле. Секретариат по инерции просуществовал несколько лет и на излете 1935 г. свернул свою деятельность за отсутствием финансирования, а новый конгресс так и не состоялся. А в 1937 г. под угрозой ареста покинул Палестину Амин аль-Хусейни, которому так и не удалось построить «иерусалимоцентричный» дар аль-ислам.

Историография иерусалимского конгресса до сих пор остается полем для столкновения оценок и мировоззрений. Резюмируя образное восприятие форума, инициированного муфтием Иерусалима, израильский историк М. Крамер использовал для сравнения известный труд сирийского деятеля арабского Возрождения (Нахды) Абд ар-Рахмана аль-Кавакиби (1855–1902) «Умм аль-кура» («Мать городов») [34], представляющий собой сборник протоколов вымышленного автором мусульманского конгресса, якобы состоявшегося в Мекке в 1898 г. «Как и вымысел аль-Кавакиби, — констатировал исследователь, — иерусалимский конгресс в конце концов превратился в плод воображения одного человека» [3. С. 141]. Полярную трактовку итогов конгресса в Святом городе предложила в 2016 г. американская исследовательница М. Хасан: «Широкий спектр мусульманских интеллектуалов и активистов творчески подошел к вызовам послевоенной эпохи и стремился сформулировать исламский интернационализм, который представлял собой особенно современные формулировки глубоко укоренившихся религиозных чувств» [35. С. 187].

Проведенное исследование убеждает в том, что ожидание судьбоносных решений от иерусалимского съезда оказалось главной причиной разочарования международной мусульманской общественности. Однако эмоциональное восприятие событий 1931 г. в Иерусалиме помешало современникам осознать, что «исламский интернационализм» в 1930-х годах начал обретать все более национальные, этнокультурно обусловленные формы. Не случайно после завершения конгресса ряд политических лидеров не покинул Палестину. Они собрались для выработки положений Арабской национальной хартии, в которой особо выделялись темы единства, независимости и антиколониализма. Влияние Амина аль-Хусейни после конгресса уже не ограничивалось Палестиной — его деятельность вызывала уважение со стороны политических и религиозных деятелей по всему мусульманскому миру [36. С. 107]. Да и в деятельности индийских халифатистов все панисламские конгрессы оказались важной вехой. Хотя их творческие и идеологические результаты не были выдающимися, участие в них помогло организации контактов между исламскими общинами Индии и Ближнего Востока и дало возможность индийской стороне заявить о себе на международном уровне.

Библиографический список

1. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифат в идейном диалоге стран распространения ислама: опыт панисламского конгресса 1926 г. в Каире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 1. С. 7–19.
2. Freas E. Hajj Amin al-Husayni and the Haram al-Sharif: A Pan-Islamic or Palestinian Nationalist Cause? // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2012. № 39 (1). P. 19–51.
3. Kramer M. *Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses*. N.Y.: Columbia University Press, 1986. 250 p.
4. Pappe I. *A History of Modern Palestine. One Land, Two Peoples*. Cambridge–N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 333 p.
5. Nafi B.M. *Arabism, Islamism and the Palestine Question, 1908–1941. A Political History*. Reading: Garnet Publishing Limited, 1998. 459 p.
6. Аль-Махбуба, Джа'фар аш-Шейх Бакир. Мади ан-Наджаф ва хадируха (Прошлое и настоящее Неджефа). Т. 1–2. Бейрут: Дар аль-адва', 1986. 294+321 с.
7. Аль-Ахрам. Каир. 04.12.1931
8. Roberts N.E. Making Jerusalem the Centre of the Muslim World: Pan-Islam and the World Islamic Congress of 1931 // *Contemporary Levant*. 2019. Vol. 4. № 1. P. 1–12.
9. Аль-Манар. Февраль 1932.
10. Nafi B.M. The General Islamic Congress of Jerusalem Reconsidered // *The Muslim World*. 1996. Vol. LXXXVI. № 3–4. P. 243–272.
11. Jbara T. *Palestinian Leader: Hajj Amin al-Husayni, Mufti of Jerusalem*. Princeton: The Kingston Press, 1985. 221 p.
12. Mayer Th. Egypt and the General Islamic Conference of Jerusalem in 1931 // *Middle Eastern Studies*. 1982. Vol. 18. № 3. P. 311–322.
13. Kedourie E. *The Chatham House Version and Other Middle-Eastern Studies*. Introduction by D. Pryce-Jones. Chicago: Ivan R. Dee, 2004. 488 p.
14. Taggar Y. *The Mufti of Jerusalem and Palestine Arab Politics, 1930–1937*. Ph.D. Thesis. L.: University of London, 1973. 472 p.
15. Daily News Bulletin. L., 1931. Vol. XII, № 288 (15th December). P. 1–8.
16. Charter of the General Islamic Congress adopted by the Congress in its fourteenth session held on Tuesday, Sha'ban 6, 1350 / December 10, 1930 / Kramer M. *Islam Assembled. The Advent of the Muslim Congresses*. N.Y.: Columbia University Press, 1986. С. 191–194.
17. Kayyali A.W. *Palestine: A Modern History*. London: Third World Centre for Research and Publishing, 1978. 243 p.
18. Cury R.M. Egyptians in Jerusalem: Their Role in the General Islamic Conference of 1931 // *The Muslim World*. 1992. Vol. LXXXII. № 1. P. 37–54.
19. Kupferschmidt U.M. The General Muslim Congress of 1931 in Jerusalem // *Asian and African Studies*. 1978. Vol. 12. № 1. P. 132–154.
20. Alavi H. Ironies of History: Contradictions of Khilafat Movement. Our World. URL: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/sangat/hamza.htm> (дата обращения — 26.11.2019).
21. Minault G. *The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India*. Delhi: Columbia University Press, 1982. 294 p.
22. Hasan M. *Communal and Pan-Islamic Trends in Colonial India*. New Delhi: Manohar, 1985. 444 p.
23. Jain M.S. Mohamed Ali and the Khilafat Committee, 1925–1926 // *Communal and Pan-Islamic Trends in Colonial India*. New Delhi: Manohar, 1985. P. 164–169.
24. Wasti S.T. The Circles of Maulana Mohamed Ali // *Middle Eastern Studies*. 2002. Vol. 38. № 4. P. 51–62.
25. *Regionalizing Pan-Islamism: Documents on the Khilafat Movement*. Ed. by M. Hasan and M. Pernau. New Delhi: Manohar, 2005. 467 p.

26. *Malik M.A.* Allama Inayatullah Mashraqi: A Political Biography. Delhi: Oxford University Press, 2000. 156 p.
27. *De A.* History of the Khaksar Movement in India, 1931–1947. Kolkata: Parul Prakashani, 2009. 249 p.
28. *Zubrzycki J.* The Last Nizam. The Rise and Fall of India's Greatest Princely State. Sydney: Picador, 2006. 382 p.
29. *Matthews W.C.* Pan-Islam or Arab Nationalism? The Meaning of the 1931 Jerusalem Islamic Congress Reconsidered // International Journal of Middle East Studies. 2003. Vol. 35. № 1. P. 1–22.
30. *Allana G.* Muslim Political Thought Through the Ages. 1542–1947. N. Delhi: Indian Institute of Applied Political Research, 1987. 347 p.
31. *Iqbal M.* The Reconstruction of Religious Thought in Islam. L.: Oxford University Press, 1934. 198 p.
32. *Икбал М.* Реконструкция религиозной мысли в исламе / пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2002. 200 с.
33. *Iqbal M.* Islam as a Moral and Political Ideal // Thoughts and Reflections of Iqbal. Ed. by S.A. Vahid. Lahore: S H Muhammad Ashraf. 1964. 381 p.
34. *Аль-Кавакиби, Абд ар-Рахман.* Умм аль-кура ли-с-сайид аль-Фурати ва хува дабт муфавадат ва мукаррарат му'тамар ан-нахда аль-исламийя аль-мун'акид фи Макка аль-мукаррама санат 1316 (Мать городов господина ал-Фурати: протоколы переговоров и постановлений конгресса исламского возрождения, состоявшегося в благородной Мекке в 1316 г. по хиджре). Каир: Аль-Матба'а аль-мисрийя би-ль-Азхар, 1350 г. х. (1931). 217 с.
35. *Hassan M.* Longing for the Lost Caliphate: A Transregional History. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2016. 408 p.
36. *Lesch A.M.* Arab Politics in Palestine, 1917–1939. The Frustration of a Nationalist Movement. L.–N.Y.: Cornell University Press, 1979. 257 p.

Информация об авторах:

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: s.kirillina@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5769-3715, ELibrary SPIN-код: 2492-5979

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: al-safr@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-1554-3449, ELibrary SPIN-код: 6189-7121

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: alsavlor@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2649-5422, ELibrary SPIN-код: 6318–4102